

Бурёнушка — вариант 4

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь,

Марья-царевна

. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна — двоеглазая, а другая — троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-бурёнушку и дала ей сухую краюшку хлеба.

Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку
бурёнушке

поклонилась — напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-бурёнушкой целый день ходит, как барыня. День прошел, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила. «Чем сука жива живет?» — думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою большую дочь. «Присмотри, чем Марья-царевна питается?»

Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна: «Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке». Стала искать, а сама приговаривает: «Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи другой!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коровушке-бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришел вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит: «Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой». «Охти мне! — взгоревалась сестрица. — Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!»

Пришли домой; спрашивает её мати: «Что пила, что ела Марья-царевна?» — «Я ничего не видела». Ягишна заругалась на неё; поутру встаёт, посылает троеглазую дочь: «Поди-ка, — говорит, — погляди, что она, сука, ест и пьёт?» Пришли девицы в чистое поле бурёнушку пасти; говорит Марья-царевна: «Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу». — «Поищи, сестрица, поищи, родима!» Марья-царевна стала искать да приговаривать: «Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!» А про третий глазок позабыла; третий глазок глядит да глядит, что робит Марья-царевна. Она побежала к бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться — она опять поклонилась бурёнушке, разрядилась и ну будить троеглазую: «Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой».

Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила. Стала матери спрашивать у своей дочери: «Что она пьёт и ест?» Троеглазая всё и рассказала. Ягишна приказывает: «Режь, старик, коровушку-бурёнушку». Старик зарезал; Марья-царевна просит: «Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне». Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила её к верее — вырос ракитов куст, на нём красуются сладкие ягодки, на нём сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские. Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришёл к её мачехе, положил блюдо на стол: «Которая девица нарвёт мне полно блюдо ягодок, ту за себя замуж возьму». Ягишна послала свою большую дочь ягод брать; птички её и близко не подпускают, того и смотри — глаза выключут; послала другую дочь — и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берёт, а мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать. Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила её гусынею, а свою большую дочь срядила Ивану-царевичу в жёны. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун встаёт поутру ранёхонько, умывается белёхонько, взял младенца на руки и пошёл в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?» — «В другом стаде». Летит другое стадо. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?» Младёного матерь на землю скочила, кожу сдёрнула, другой сдёрнула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет: «Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!» Старичок пошёл домой; паренёк спит до утра без разбуду, а подмененная жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встаёт ранёхонько, умывается белёхонько, идёт с ребёнком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошёл невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликивает: «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матку видали?» — «В другом стаде». Летит другое стадо: «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?» Младёного матерь на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним: «Завтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!» Отдала младенца старику. «Что, — говорит, смородом пахнет?» Хотела было надевать кожи, хватилась — нет ничего: Иван-царевич спалил. Захватил он

Марью-царевну; она обвернулась скакухой, потом ящерицей и всякой гадиной, а после всего веретёшечком. Иван-царевич переломил веретёшко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя — стала перед ним молодая молодича. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревёт: «Разорительница идёт! Погубительница идёт!» Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает: «С которой женой поволите жить?» Они сказали: «С первой». — «Ну, господа, которая жена скорее на ворота скочит, с той и жить стану». Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается, а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял своё ружьё и застрелил подменённую жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.